

Примечательно, что сам этот уголок Швейцарии, где Жуковский прожил зиму и начало весны 1832—1833 гг., был связан с воспоминаниями о Саше. В одном из последних своих писем к поэту из Женевы (август 1829) она просила его: «Напиши мне о Монблане, об озере. Скажи то, что я так сильно чувствую, вырази эту, ни с чем не сравнимую красоту спокойного, тихого Лемана, когда солнце уже легло (...) когда Монблан уже угасает, звезды загораются, чудная твоя приятельница тихо катится с своей светлой звездой, а Рона шумит, никогда не успокаиваясь, как вечность, как время, которое идет приметно и неприметно. А на берегах все воспоминания — дом Жан Жака — в дали Фернэ — на самом берегу дом, где Байрон вел буйную свою поэтическую жизнь (...) и писал возвышенные, чудесные стансы (...) Все это вместе удивительно как действует на душу» [34, т. I, с. 219—220] (оригинал по-фр.).

Жуковский как будто сознательно выбрал место, описанное в этих строках! «Мой дом,— сообщал он Ивану Козлову,— в поэтическом месте на северном берегу Женевского озера: слева Монтре и Шильон, справа Кларан и Веве. *Эти места напоминают и Юлию, и Байрона*» [25, т. IV, с. 599—600] (здесь и далее курсив в цитатах наш.— И. В.).

«Воейков говорит, что ты пишешь гексаметры,— продолжала Александра Андреевна.— Бога ради пришли. Никогда, даже в Муратове, не чувствовала такой нужды читать тебя, как здесь» [34, т. I, с. 220] (оригинал по-фр.). Многочисленные «отрывки швейцарского ландшафта» в письмах поэта 1832—1833 гг. как будто отвечают на просьбу Саши описать этот чудесный мир. А гексаметрический фрагмент из мильтоновской поэмы, ассоциировавшейся с ее именем, может быть понят и как посмертное исполнение ее желания (само «L'Allegro» написано вольным восьмисложным стихом).

В Верне Жуковский узнает от Плетнева о новой повести своей родственницы и близкого друга А. П. Зонтаг «Олинька», рассказывающей в слегка завуалированной форме о детстве обитательниц села Мишенского (в повести — слобода Нищенская) сестер Протасовых (названных девицами П***). В описании главной героини повести без труда угадываются «милые черты» Саши: «Румяные щеки, веселый, умный взгляд, приятная, ласковая улыбка» [35, с. 8]. Поэт просит Плетнева как можно быстрее переписать ему эту повесть и прислать в первом же письме: «Хочу у подошвы швейцарских гор посидеть на том низком холмике, на коем стоял наш мишенский дом со своею смиренною церковью, на коем началась моя поэзия Греевой элегией». Чтобы «воскресить прошедшее», Жуковский пишет первые главы «Ундины», которая для него «так и дышит прошлою молодостью» [23, с. 109]: «мучительно милый» образ главной героини этой сказки, веселой и жизнерадостной Ундины, возможно, навеян воспоминаниями об Александре Протасовой.

В одной из дневниковых записей осени 1832 г. Жуковский упоминает «минуты, в которые магическою силою пробуждаются воспоминания и все знамовые лица весьма ясно видимы. Слышишь голоса, чувствуешь то, что чувствовал, воздух, сторона, дом, чувство прошедшей жизни» [33, с. 249]. Видимо, в одну из таких минут ему и вспомнилась Саша, прежние чувства и «прошедшая жизнь».

Предположительно обращение Жуковского к поэме Мильтона можно датировать второй половиной февраля 1833 г.⁵, а точнее — числами, примыкающими к 16 февраля, т. е. к четвертой годовщине со дня смерти Александры Воейковой⁶. Воспоминания о Саше могли вызвать к жизни и ее аллегорическое

⁵ В тетради, которую поэт заполнял в Верне, этот отрывок — последний и записан он после фрагмента «Эллена и Гунтрам», помеченного 3(15) февраля 1833 г. (ОР РНБ, ф. 286, оп. 1, ед. хр. № 37, л. 25 об.).

⁶ Жуковский, видимо, помнил о том, что февраль был «нелюбимым» месяцем Саши: «Я всегда боялась февраля, как будто кто мне сказал: этот месяц для тебя несчастный» (цит. по: [34, т. II, с. 175]). Мысль о собственной смерти, которая «постоянно вертелась» в его голове в это время, могла ассоциироваться с дурным предчувствием Саши.